

History and Literature in Eighteenth-Century Russia

Edited by Sergei Bogatyrev, Simon Dixon

and

Janet M. Hartley

Study Group on Eighteenth-Century Russia
London, 2013

For Patrick O'Meara

© The editors and contributors, 2013.

ISBN 978-0-9503314-9-2
Study Group on Eighteenth-Century Russia
www.sgcrcr.co.uk

CONTENTS

INTRODUCTION	i
PART ONE: LITERATURE	
1 Stikhotvoreniia v <i>Arifmetike</i> Leontii Magnitskogo MARIA CHRISTINA BRAGONE	1
2 Makiavelli v iubke i korone: 'Bytovaia Politika' v memuarakh Ekateriny II ANGELINA VACHEVA	29
3 'Sovsem osobyi put': Derzhavin mezhdue Lomonosovym i Goratsiem JOACHIM KLEIN	45
4 <i>Lebed'</i> G. R. Derzhavina: goratsianskaia traditsiia i obraz poeta MICHELA VENDITTI	48
5 Erotika v <i>Peresmeshnike</i> M. D. Chulkova MANFRED SCHRUBA	61
6 Karamzin in Revolutionary Strasbourg RODOLPHE BAUDIN	70
7 The Epic Dactylic Hexameter in Russian Poetry from Radishchev to Pushkin CHARLES DRAGE	89
8 P'esy F. Krattera: <i>Aleksandr Men'shikov</i> i <i>Devushka iz Marienburga</i> N. D. KOCHETKOVA	105

PART TWO: HISTORY

9	The Army: Prisoners and Prisons JANET M. HARTLEY	114
10	Narvskie plennye Velikoi Severnoi voiny (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii) S. A. KOZLOV	125
11	Pieter von Woensel: A Dutch Turkophile in Russian Service EMMANUEL WAEGEMANS	142
12	'Grazhdanin' v Rossiiskoi Imperii ELENA MARASINOVA	160
13	The Zertsalo: Further Reflections W. E. BUTLER	179
14	Retail Trade in St Petersburg: Gostinyi Dvor or Gostinyi Vor? ROBERT E. JONES	187
15	J. M. R. Lenz and Women in the Free-Masonic Circles of Moscow ROGER BARTLETT	194
16	1812 god: Voina i mir' — mify i dokumental'naia real'nost' S. N. ISKIUL'	207

Introduction

DEFYING a global financial crisis, participants from ten countries — Belgium, Bulgaria, Canada, France, Germany, Italy, the Netherlands, Russia, the United Kingdom and the USA — gathered for the eighth international conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, which took place on 4–9 July 2009 at Van Mildert College, Durham University. The Durham conference was the successor to conferences held in the University of East Anglia (1977 and 1981), Bloomington, USA (1984), Hoddesdon (1989), Gargnano, Italy (1994), Leiden, The Netherlands (1999) and Wittenberg, Germany (2004). Following the tradition established at these previous meetings, participants took a break from their labours on 7 July to make an excursion to the Bowes Museum at Barnard Castle. On the final evening, a banquet was held in the hall of Durham Castle, where the after-dinner speech was made by Professor Isabel de Madariaga, FBA, who celebrated her ninetieth birthday in 2009.

The present volume offers a selection of papers on literature and history, drawn from the fourteen conference panels covering the Study Group's customarily wide cross-disciplinary range. The editors have sought to adhere to a number of conventions in preparing this volume for publication. These include a modified version of the Library of Congress system for transliteration, and footnote presentation in keeping with the style of *The Slavonic and East European Review* for both English and Russian papers. No attempt has been made to impose uniformity of style or tone.

The Durham conference was organized with characteristic aplomb by the then Master of Van Mildert, Professor Patrick O'Meara. In normal circumstances, Patrick would have taken the lead in editing this volume, but was sadly prevented from doing so by illness. The dedication to the volume celebrates his recent recovery. Dr Sergei Bogatyrev generously agreed to join the editorial team in order to check the Russian texts. The editors are also indebted to Dr Barbara Wyllie, who prepared a complicated typescript for publication.

It is with great sadness that, just as this book goes to press, we report the death of Professor Viktor Markovich Zhivov, whose inimitable contribution to the study of eighteenth-century Russia will be sorely missed when the Study Group reconvenes for its ninth international conference at Leuven in 2014.

Sergei Bogatyrev
Simon Dixon
Janet M. Hartley

‘Лебедь’ Г. Р. Державина: горацианская традиция и образ поэта

М. Вендитти

Università degli Studi di Napoli – L’Orientale

Известные горацианские оды ‘Памятник’, ‘Лебедь’ и ‘Венец бессмертия’, по намерению Державина, должны были заключить первую, вторую и третью части его собрания сочинений 1808 года. Этот план отнюдь не случаен — он повторяет то расположение, которое сам Гораций дал соответствующим первым двум одам в своих ‘Carmina’. Главная тема, объединяющая данные оды, — это бессмертие поэта, выраженное в вечности его творчества. Указанный мотив проходит через всё лирическое произведение Державина и характеризует его эстетическую позицию.

Ода ‘Лебедь’ является переложением горацианской оды ‘К Меценату’ (II, 20), которая завершает вторую книгу его ‘Carmina’. Державин прокомментировал стихотворение в *Объяснениях* своих сочинений: ‘Ода сия писана в 1804 году вольным подражанием Горацию (книга вторая, ода двадцатая), в которой, по обыкновению своему, автор, хотя дает другие названия народам и обыкновениям, но держится главного плана римского поэта.’¹ Державин не знал латинского языка, он ‘пользовался ... немецкими переводами, а также дословными переводами на русский язык, как с латинского, так и с немецкого языка, которые делали для него его друзья.’² Задача настоящей работы — сравнение державинской оды с предыдущими русскими переводами из Горация; и, следовательно, определение значения ‘Лебеда’ и его места в контексте поэтологической концепции автора. Сравнительный анализ различных вариаций мотивов, представленных в горацианской оде, также позволяет рассмотреть вопрос о распространении и употреблении указанных мотивов в литературной культуре второй половины XVIII и начала XIX века.

¹ Г. Р. Державин, *Анакреонтические песни (Литературные памятники)*, М., 1986, с. 456.

² А. Л. Пинчук, ‘Гораций в творчестве Державина’, *Ученые записки томского государственного университета*, 1955, № 24, с. 72; ср. И. Клейн, *Русская литература в XVIII веке*, М. 2010; И. Клейн, ‘Мудрость Горация и автобиографический принцип в лирике Державина (стихотворение “На умеренность”)', *XVIII век*, № 26, 2011, с. 221

Горацианская ода ‘Non usitata nec tenui ferar’, литература о которой довольно богата, состоит из 24 ямбических стихов, написанных алкеевой строфой. В центре стихотворения — мотив преобразования: отказывающийся от смерти поэт превращается в свою песнь и таким образом становится бессмертным. Образ ‘лебедя’ олицетворяет такое превращение и принимает значение поэзии вообще, которая парит в небе и находится выше всякого предела в пространстве бесконечности. Общее содержание оды можно разделить на шесть тематических единиц:

1. Объявление двойственной природы поэта и его отделение от земного мира;
2. Контраст между низким сословным происхождением поэта и его бессмертием;
3. Телесное превращение в ‘лебедя’;
4. Парение над огромным пространством, конкретно определяемым с помощью географических названий;
5. Пространство распространения мировой славы, показанное через перечень народов;
6. Бессмертие делает тщетным погребение тела.³

Ода Горация известна под названием ‘К Мecenату’, и ее также ассоциируют с образом ‘лебедя’. Этимологически слово происходит от лат. *сuспis*, греч. *куknos*, из индоевропейского *śukras*, которое обозначает «белое, светлое».⁴ В мифологии и вообще в символике, ‘лебедь’ — это птица Аполлона, символ поэзии, лирического вдохновения и пения: в гомерическом гимне «К Аполлону» воспеваются именно певчую способность лебедя (ср. Платон, *Федон*, 84–85; Вергилий, *Энеида*, I, 392–400).

Образ ‘лебедя’ связан также с Зевсом и его любовными приключениями, и Орфеем, который превратился в созвездие в образе лебедя. Белая и стройная птица по своей природе соединяет в себе две стихии, земную и водную. Такая двойственность послужила поводом для многочисленных толкований, начиная с эзотерического, а также мифологического, литературного, философского. Данный образ, вместе со всеми своими мифологическими и литературными ассоциациями, пробуждал фантазию художников, которые предлагали многочисленные его изображения, в том числе и в эмблематике.

³ Ср. L. Bonfante, ‘The Poet and the Swan: Horace’s Odes II, 20’, *Le parole del passato*, 47, 1992, pp. 25–45.

⁴ A. Nocentini, *Dizionario etimologico*, Milan, 2010, p. 228.

В творчестве Горация образ лебедя имеет определенное значение, но в двадцатой оде второй книги он нигде не упоминается прямо, на него только намекается; в стихах о превращении поэта в птицу дано такое описание: *et album mutor in alitem*, т.е. 'превращаюсь в белое' и тело покрывается перьями. Далее, где речь идет о парении, находим выражение *ales canorus*, которое обозначает 'певчую птицу'. Итак, в этой оде образ лебедя выступает только через метонимию. При этом в творчестве Горация лебедь оказывается связан с двумя различными концепциями поэзии, которые римский поэт соединяет в своем творчестве. Во второй оде четвертой книги *Carmina* Гораций определяет Пиндара как *Dircaeum cuspum*, а себя — *apis Matinae*: первый представляет поэзию, как *ars* или дар, талант, высокое парение, а второй — поэзию, как *ingenium*, представляемое в образе 'трудолюбивой пчелы' (в переводе Поповского), которая нуждается в «ежедневном» усилии и труде. В поэтическом понимании Горация оба аспекта творчества необходимы, как он утверждает в своем *Поэтическом искусстве* (цитирую по переводу Фета):

Лучшую песнь создает ли природа или искусство?
 Вот вопрос. Но не вижу я, что без талантливой жилы
 В силах наука создать или даже талант без искусства?
 Оба, взывая друг к другу, вступают в союз любовный.
 (408–11)

В оде 'К Меценату' поэзия непосредственно отождествляется с парением и автор определяет себя как *biformis*, 'двойной', и именно эта двойственность стоит в центре внимания гораццианских стихов.

По данным Свясова,⁵ до Державина оду Горация перевели Николай Николаевич Поповский (1753 г.) и Петр Розанов (1806 г.); Державин написал оду 'Лебедь' в 1804 году (то есть на два года раньше, чем появился второй перевод), но напечатал её позже, в 1808 году, во втором томе своих сочинений.

Дадим краткое формальное описание переводов: Поповский, как и в подлиннике, не дает стихотворению названия, оно начинается первым стихом 'Не в тихой и обыкновенной' (1730–60); известный переводчик Поупа включает оду в свой перевод *Эпистолы о поэзии* в 1753 году (перевод печатается второй раз в его *Горациевых одах и письмах* в 1801 году). Формально — переводное стихотворение

⁵ Е. В. Свясов (ред.), *Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.*, СПб., 1998, с. 291.

Поповского состоит из шести строф, каждая из 6 стихов, рифмующих абавв, размер — четверхостопный ямб. Шесть строф перевода Поповского соответствуют шести тематическим единицам подлинника.

Второй перевод появляется в журнале *Друг просвещения* в 1806 году с подписью П. Роз., в дальнейшем отнесенной к Петру Розанову;⁶ перевод называется 'Ода к Меценату. Из Горация, перевод с латинского'. Стихотворение Розанова повторяет строфическую и ритмическую форму текста Поповского.

Державинский 'Лебедь', как уже было отмечено, заключает второй том собрания сочинений 1808 года. Сравнение количества стихов в текстах показывает, что у Горация 24 стиха, у Поповского и Розанова 36 стихов, а у Державина 40, то есть почти в два раза больше, чем в подлиннике. С чисто формальной точки зрения державинская ода отличается от двух предыдущих количеством стихов в строфе: здесь 10 четверостиший, с перекрёстной рифмовкой. Размер же и здесь — четырехстопный ямб.⁷

Первый мотив можно определить общим названием 'двуличности', 'двойственности'; в этом куске текста поэт выражает свое желание подняться над миром 'необычным' образом; поэт, *vates biformis*, отделяется от человеческого и земного мира, характеризуемого им чувством зависти (*invidia*). Сопоставим варианты первой темы, реализуемые тремя авторами.

Поповский:

*Не в тихой и обыкновенной
Наверх я славе поднимусь;
Но в громкой, шумной и отменной,
Пророк двуличный, вознесусь;
Превыше гордой злобы стану
И смертным скоро быть престану.*

Розанов:

Приявши образ лебединый, —
На быстрых первый я крылах,

⁶ [П. Розанов], 'Ода к Меценату', *Друг просвещения*, 1806, Ч. 4, № 11, с. 108–09. Об этом лице мы не нашли биографических данных.

⁷ В приложении все три русских переводных текста воспроизводятся вместе с оригиналом Горация.

В воздушных кроясь зыбях,
 Презревши злобы яд змеиный,
Превыше мира *вознесусь*,
 В надзвездной Сфере погружусь. —

Отметим то же самое слово Поповского в той же самой позиции клаузулы (*вознесусь*).

Державин же начинает свою оду следующим образом:

Необычайным я парением
 От тленна мира отделиюсь,
 С душой бессмертною и пением,
 Как лебедь, *в воздух поднимусь*.
 В двояком образе нетленный,
 Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставляю под собой блеск царств.

Комментаторы истолковывали мотив двуличности у Горация по-разному, — то как указание на разные жанры, лирический и сатирический, которыми поэт занимался; то воспринимали данную гораццианскую тему как утверждение соединения в поэте двух природ: человеческой и божественной. Грот, например, подсказывает, что Гораций разумел под этим 'соединение поэта и лебедя'. Русские авторы-переводчики придавали мотиву двуличности разные оценки: Поповский переводит буквально *vates biformis* как 'пророк двуличный', сохраняя божественную оттенку слова *vates*; Розанов пропускает его и начинает стихотворение с условия парения: 'приявши образ лебединый'; Державин упоминает двуличность дважды: в первой строфе поэт предлагает ее интерпретацию ('душа бессмертная и пение'); во второй — принимает двойственность вообще ('в двояком образе'); 'лебедь' у Державина соответствует гораццианскому *vates*, то есть поэту, уже превратившемуся в птицу. Состояние парения (*ferar per liquidum aethera*) и его необычность (*non usitata*) подчеркивается всеми авторами. Если первые два автора передают смысл полета метафорически, Державин соблюдает характерную и для Горация конкретность, пользуясь выражениями 'парение' и 'подняться в воздух'; к тому же он единственный представляет точку зрения парящего сверху вниз. Такое положение связано с гиперболическим образом поэта-гиганта,

который Державин разрабатывает в целом ряде близких по времени стихотворений (например, ‘Лирик’, ‘Похвала комару’).⁸

Поповский приписывает необычность *способу* получения бессмертной славы: не тихо и обыкновенно, но громко, шумно и отменно; в отличие от других авторов он не упоминает ‘лебедя’ в начале стихотворения. Розанов, со своей стороны, пропуская образ ‘двуличности’, представляет в первом стихе превращение в ‘лебедя’ как самое условие необычности (‘приявши образ лебединый’); он в особенности подчеркивает ‘первенство’ поэта (‘первый я’) в возвышении на высоту лирического вдохновения. Державин ставит в начале оды прилагательное ‘необычайный’, характеризующее ‘парение’ поэта; образ лебедя выступает в конце первой строфы как уподобление.

Чувство ‘зависти’, упоминаемое у Горация, истолковано авторами с образным расширением: Поповский читает его как ‘гордую злобу’; Розанов, в том же самом духе, отводит ему целую строку: ‘Презревши злобы яд змеиный’. Державин выбирает горацианскую ‘зависть’. Следует также рассмотреть мотив бессмертия, на который Гораций в начале оды только намекает, но авторы-переводчики воспринимают его как главный и подчеркивают его разными способами; Поповский эксплицирует этот мотив целым стихом: ‘И смертным скоро быть престану’; Розанов передает метафорой ‘в надзвездной сфере погружусь’; Державин особенно воспринимает данную тему, которая встречается в его творчестве не только в горацианских одах:

Необычайным я парением
От тленна мира отделиюсь,
С душой бессмертною и пением,
Как лебедь, в воздух поднимусь.
В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;

Присущая ‘Лебедю’ двоякость отражается в горацианской оде, построенной на целом ряде оппозиций: земное-небесное, низкое-высокое, конечное-бесконечное, смертное-бессмертное. Державин представляет бессмертие через оппозицию ‘тленность-нетленность’ в её конкретной наглядности и прямо придает образу лебедя-поэта

⁸ М. Вендитти, “Похвала комару” Державина: интертекстуальность и автотематичность, *Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter*, 36, 2008, pp. 27–46.

значение вечности не только общего поэтического творчества, но и бессмертной души.⁹

Вторым мотивом оды Горация является контраст между незнатным происхождением автора, с одной стороны, и вечной славой, которой он достигнет своим творчеством, с другой. Здесь — обращение автора к Меценату, который поддерживал конкретными делами; мифологический образ Стикса, представляющего смерть, переведен только Розановым; Поповский его сохраняет, но в форме развернутой метафоры; оба они сохраняют и обращение к Меценату.

С целью адаптировать гораціанский мотив к русским обычаям, державинское *amplificatio* сохраняет близость между своей версией и подлинником. Поэт 'держится главного плана римского поэта': звание поэта, 'любимца Муз', является самым ценным и ставит его выше всех 'вельмож'; забвение среди волн Стикса превращается у Державина в такой образ: 'среди звезд не превращусь я в прах', то есть, как сам автор объясняет: 'Среди звезд и орденов совсем не сгнию так, как другие.'¹⁰ В этом смысле важны последние два стиха четвертой строфы:

Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

Поэт отождествляется с поэзией вообще, как 'цевница', лира, звучание которой растекается по вселенной. С высоты вдохновения, отличительной черты лирического творчества, поэт теряет все тленные его свойства, как Державин пишет в *Рассуждении о лирической поэзии*:

Оно (вдохновение) напрягает все ея силы, окрыляет, возносит и исторгает, так сказать, ея бытие из пелен плоти или из всех земных пределов [m.v.], дабы лучше выразить и изъяснить иступленное ея положение.¹¹

Третий мотив — это превращение поэта в лебедя; Поповский и Розанов описывают его как внешнюю метафорическую трансформацию: 'в лебедя через седины / Свой сверху вид переменил'

⁹ Обессмертию души Державин подробно изложил свою позицию в омонимической оде 1797 г.

¹⁰ Державин, *Анакреонтические песни*, с. 456.

¹¹ Г. Р. Державин, *Сочинения*, под ред. Я. Грота, СПб., 1864–85, Т. 7, 1864, с. 576.

(Поповский); ‘и с грудью голова моя, / **прияв вид птицы**, побелела / ...
омшил **состав телесный мой**’ (Розанов).

Державин посвящает этому мотиву только четыре стиха, но в центральной строфе (5), и представляет метаморфозу как происходящую не извне, но изнутри (*зрю*); он как бы конденсирует процесс превращения с помощью краткого описания со сжатым ритмом, скандирующим изменения: кожа, стан, грудь, спина вплоть до плавной созвучности ‘*лебяжьей лоснюсь белизной*’.

Гаспаров указал на два свойства поэтического творчества Горация, вполне применимые и к Державину: первое — это его ‘удивительная вещественность, конкретность, наглядность’ образов; и второе — данная конкретность является опорой для более общих философских размышлений и выводов. Географические, этнические и мифологические названия, перечень которых представляется в различных одах, и в том числе в рассматриваемой здесь ‘К Меценату’, играют роль направления взгляда ‘от частности к обобщению’.¹²

Четвертый и пятый мотив оды, определение пространства парения, конкретизируется через географические и этнические данные, с одной стороны, а с другой, имеет чисто символическое значение. Если первые два автора повторяют или обрабатывают, пользуясь иносказанием, те же самые названия мест и народов, то Державин принимает символический смысл как таковой и пишет, раскрывая смысл перечисления Горация, ‘мир вижу весь’; кроме этого, как он сам утверждал в своих *Объяснениях*, автор ‘дает другие названия народам и обыкновениям’, указывая на российское пространство.

Последний мотив — это погребение или, скорее, утверждение его переходящего значения, логическое завершение стихов об объявлении бессмертия. Поповский объясняет горацянские слова, описывая погребение (‘во гроб как труп положат мой’) и кончает переводную оду тем же образом ‘шума’, сейчас ‘пустого’, о котором говорил в зачине; автор-переводчик предлагает дидактическое окончание (‘Одно лишь умрет тело бренно, / Но имя будет ввек нетленно’). Розанов в конце стихотворения обращается вновь к Меценату, благодаря поддержке которого поэт может быть ‘не предпринят в гробе’; заметим, что Розанов следует за Поповским еще раз в клаузуле ‘воплъ пустой’, где у последнего было ‘шум пустой’. Державин вкладывает целую строфу, девятую, в кавычки, пользуясь тем же самым приемом, который

¹² М. Л. Гаспаров ‘Поэзия Горация’, *Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания*, М., 1970, с. 5–38.

он применял и в *Памятнике*, чтобы определить свою поэтическую позицию ('Вот тот летит, что строя лиру...'). Поэт заключает свою оду подъемом ритма и усиливает горацянские повелительные формы, пользуясь восклицаниями и мужскими рифмами в форме отрицательного повелительного наклонения в клаузулах ('не пой! / не вой').

Можно подвести некоторые итоги. Сравнение показывает, что горацянские мотивы нашли у авторов-переводчиков разные интерпретации: Поповский объясняет смысл слов Горация в духе дидактическо-нравственного понимания поэтического искусства XVIII века; Розанов выбирает горацянские мотивы, пропуская некоторые из них, и обрабатывает их по-своему (например: 'в лице пернатого Орфея' вместо 'лебедя'); он связывает свой перевод с предыдущей традицией, принимая некоторые решения Поповского.

Мнимая 'измена' Державина с точки зрения буквализма, наоборот, полностью соответствует духу римского поэта. Образ лебедя оказывается особенно подходящим Державину. Лирическое искусство как 'говорящая живопись', тесная связь между словом и иконическим образом, представлены в начальной иллюстрации к оде 'Лебедь', которая, по словам Грота, не нуждается в объяснениях.¹³

СВИ. ЛЕБЕДЬ'.

¹³ Г. Р. Державин, *Сочинения*, под ред. Я. Грота, СПб., 1864–83, Т. 2, 1865, с. 498.

Если сопоставить это изображение с эмблематическими представлениями лебедя,¹⁴ обнаружим, что у Державина *лебедь парит* и находится между небом и землей, не задевая последнюю.

Образ державинского парения знаменует начало обработки символического образа ‘лебедя-поэта’ в XIX веке, являясь исходным пунктом следующих переводов и обработок данного горацианского мотива. Траектория парения останавливается в конце века, когда в стихах Малларме (‘*Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui*’, 1885) лебедь не может подняться, будучи ‘скован белизной земного одеянья’.

¹⁴ [Н. М. Максимович-Амбодик], *Эмблемы и символы* [1788], под ред. А. Е. Махова, М., 2000.

Приложение

Темы	Гораций САРМ. II, 20	Поповский 1753	Розанов 1806 Ода к Меценату	Державин 1804/1808 Лебедь
1. «двуличность»	Non usitata nec tenui ferar Penna biformis per liquidum aethera Vates neque in terris morabor Longius invidiaque maior Urbis relinquam.	Не в тихой и обыкновенной / Наверх я славе поднимусь; / Но в громкой, шумной и отменной, / Пророк двуличный, вознесусь; / Превыше гордой злости стану / И смертным скоро быть престану.	Приявши образ лебединый, — / На быстрых первый я крылах, / В воздушных кряся зыбях, / Презревши злости яд змеиный, / Превыше мира вознесусь, / В надзвездной Сфере погружусь.—	Необычайным я парением / От тленна мира отделюсь, / С душой бессмертную и пением, / Как лебедь, в воздух поднимусь. В двояком образе нетленный, / Не задержусь в вратах мытарств; / Над завистью превознесенный, / Оставлю под собой блеск царств.
2. Бессмертие	Non ego pauperum Sanguis parentum, non ego quem vocas, dilecte Maecenas, obibo nec Stygia cohibebor unda.	Хоть я отцем рожден убогим, / Но верь, Меценас, что мой дух / Не будет в гробе роком строгим / Рассыпан с слабым телом вдруг: / И будет жить тот в славе вечно, / Что в жизни ты любил сердечно.	Я в неизвестности рожденный, / Любовью, Меценат! Твоей / Причтен к числу твоих друзей, / Не буду в мире атом бренный, — / В глубоких Стиксовых брегах — / Не погружусь навек в волнах.	Да, так! Хоть родом я не славен; / Но, будучи любимец Муз, / Другим вельможам я не равен, / И самой смертью предпочтусь. Не заключит меня гробница, Средь звезд не превращусь я в прах; / Но, будто некая цевница, / С небес раздамся в голосах.

3- Превращение	Iam iam residunt scrubibus asperae Pelles et album mutor in alitem Superne nascunturque leves Per digitos umerosque plumae.	Смотри, как по всему морщины / Моих ущерб являют сил; / Я в лебеда через седины / Свой сверху вид переменил, / Кругом весь пухом обрастаю, / Чем розньюсь я от птиц? — не знаю.	Конечности мои одела / Перистая вкруг чешуя, / И с грудью голова моя, / Прияв вид птицы, побелела; / Уже и пух как лунь седой / Омшил состав телесный мой.	И се, уж кожа, зрю, перната Вкруг стан обтягивает мой; Пух на груди, спина крылата; Лебяжьей лоснюсь белизной.
4- парение на пространство	Iam Daedaleo tutior Icaro Visam gementis litora Bosphori Styrtisque Gaetulas canorus Ales Hyperboreosque campos.	Теперь я полечу к Понтийским / Шумящим на восток брегам, / И в юг оборочусь к Ливийским / Скоряе Икара жарам, / Коснусь и северного края, / Приятны песни воспевая.	В лице пернатого Орфея/ Надежней, чем Дедалов сын, / За брег Босфоровых пучин, / К полуночным странам борея / Перенесусь как некий Бог, / Зря мель Гетулии у ног	Лечу, парю, — и под собою Моря, леса, мир вижу весь; Как холм, он высится главою, Чтобы услышать Богу песнь. С Курильских островов до Буга, / От Белых до Каспийских вод,
5- перечень народов	Me Colchus et qui dissimulat metum Marsae cohortis Dacus et ultimi Noscent Geloni, me peritus Discet Hiber Rhodanique poter.	Меня колхидянин узнает, / И в дальних сторонах гелон, / И дак, который страх скрывает, / Коль Марсов не боится он, / И галлам буду я известен, / И меж гишпанцев всюду честен.	Узрят Колхидские народы / Меня, неустрасимый Гет, / Скиф отдаленный вознесет, / И те, что пьют Родански воды, / Гиспанец Философ-Пиит / Безсмертья лавром осенит.	Народы, света с полукруга, / Составившие Россов род, / Со временем о мне узнают: / Славяне, Гунны, Скифы, Чудь, / И все, что бранью днесь пылают, / Покажут перстом, — и рекут:

6. Погребение	Absint inani funere peniae Luctusque turpes et querimoniae; Conpesce clamorem ac sepulcri Mitte supervacuos honores	Оставьте ж тщетные обряды, / Во гроб как труп положат мой: / Печали, вопли и досады / Считаю я за шум пустой: / Одно лишь умрет тело бренно, / Но имя будет ввек нетленно.	Так, Меценат! В твоей Особе / Надеюсь я того сыскать, / Который златом отягчать / Меня не предприимет в гробе. — / Потщусь умерить воплъ пустой, / Отчаянью уста закрой! .—	«Вот тот летит, что строя лиру, / языком сердца говорил, / и, проповедуя мир миру, / себя всех счастьем веселил» Прочь с пышным славным погребением, / Друзья мои! Хор Муз, не пой! / Супруга! Облекись терпением! / Над мнимым мертвецом не вой.
------------------	---	---	--	---